

ВЕЛИЧИЕ ЗВУКОВ И МЫСЛИ

«Слава нашей эпохе, что она обеими пригоршнями швыряет в мир такое величие звуков и мыслей. Слава нашему народу, рождающему таких художников». Этими восторженными словами приветствовал Алексей Толстой первое исполнение Пятой симфонии Дмитрия Шостаковича.

Это было в 1937 году. Шостаковичу миновал 31 год. Он вступил в зрелый, обильный новыми прекрасными произведениями период своего творчества. За Пятой следовала вскоре Шестая симфония, Первый струнный квартет, великолепный фортепьянный квинтет, музыка к фильмам «Великий гражданин», «Человек с ружьем»... А в 1941 году была создана знаменитая «Ленинградская», Седьмая симфония...

Сказано лаконично и очень точно: величие звуков и мыслей. В этом — отражение величия нашего времени, величия народа, «рождающего таких художников».

Симфония — если, конечно, это настоящая, большая симфония большого музыканта — всегда проникнута духом своей эпохи, всегда выражение современности. Даже тогда, когда произведение пишется, скажем, на историческую тему. Стасов назвал Вторую симфонию Бородина «Богатырской», но разве лишь о седой старине поет чудесная бородинская музыка? Конечно, нет. Мы слышим в ней эпический сказ о русском народе-богатыре XIX века!

Одиннадцатая симфония Шостаковича посвящена революции 1905 года. Но не ясно ли каждому слушателю, что, обращаясь к теме «Пролог пролетарской революции», композитор чует ее сердцем нашего современника, осмысливает ее с высоты нашего сегодня. Мы уже не говорим о Седьмой симфонии, непосредственно рожденной в огне великой битвы, о монументальной Восьмой, об истинно прекрасной Десятой. Все они, эти симфонии, проникнуты духом нашей современности. Это в полной мере относится и к Пятой симфонии Шостаковича. В ней мы находим немало общего и в содержании, и в строении, и в общем колорите с упомянутыми Седьмой, Восьмой, Десятой и Одиннадцатой симфониями.

Можно сказать, что пафос борьбы, героического сопротивления и вместе с тем горькое, мужественное страдание звучат в Пятой. Образы эти сосредоточены прежде всего в первой части симфонии. Уже первые возгласы струнных инструментов (можно было бы сказать, что этот начальный музыкальный образ рожден ораторским жестом, ораторской интонацией) предсказывают ее суровый, трагедийный характер.

Обычно первая часть симфонии является первой и по значению, по своему удельному весу. В ней по традиции заложено зерно драматического конфликта всего произведения. Основные темы здесь вступают как бы в единоборство. Они даются в процессе становления, взаимопроникновения, динамического роста, в драматической разработке. После изложения (экспозиции) тематического материала так называемых главной и побочной партий вся середина первой части «по закону» отдается разработке — так и называется центральный эпизод первой части.

Разработка в свою очередь должна

привести опять к восстановлению (репризе) и новому утверждению музыкальных тем — главной и побочной. Мы присутствуем как бы при втором рождении этих «героев» — из горнила разработки они обычно выходят обновленными, выросшими и закаленными. Характером этих мелодий-тем, философским замыслом всего произведения и, конечно, художественной фантазией композитора, его умением и мастерством определяются и направление, и характер, и масштабы разработки.

Вслушайтесь: после вступительной темы-возгласа перед вами пройдут все основные темы — «действующие лица» первой части Пятой симфонии. Одну тему, одну мелодию вы неоспоримо отметите для себя особо — это чудесный лирический образ. Как луч надежды, как краешек чистого лазурного неба среди мрачных туч, появляется этот образ дивной красоты и хрустальной нежности (появляется дважды — второй раз перед самым завершением первой части)... Какой удивительной «переплавке» в огне разработки подвергается тематический материал! Какие метаморфозы и перевоплощения происходит с «действующими лицами»! Вот мелодия, звучавшая сначала так раздумчиво, сосредоточенно, проносится в стремительном вихре... Вот словно гримаса боли и гнева исказила знакомые черты другого мотива... Вот с грозной неумолимостью надвигается на вас «черный марш» — предтеча и прообраз будущего «марша вторжения» из Седьмой симфонии...

Разработка в первой части Пятой симфонии достигает огромнейшего драматического накала и остроты. Могучие страсти бушуют в музыке, неукротимая воля и титаническая жизненная энергия сконцентрированы в ее образах. В какой-то неистовой ярости гремит и хлещет оркестр. Затем, точно исчерпав все свои силы, он начинает постепенно успокаиваться и замирать. И только как напоминание о том, что пережито и как предостережение доносится до нашего слуха тихая, далекая-далекая фанфара трубы, да одинокая челеста роняет свои звонкие, чистые и холодные слезы... Так заканчивается первая часть симфонии.

В противовес первой, драматической части вторая (музыка ее написана в форме старинного танца) передает ощущение беззаботной, ничем не омра-

ченной радости, юношеского веселья. Это и отдых, и разрядка после первой части, и вместе с тем как бы другая сторона жизни, иные образы действительности, к которым обращает свой взор художник. Вот откуда пришла танцевальность, не лишенная налета иронии и гротеска. Когда высокий кларнет — «пикколка» начинает веселый, смешной разговор с хрипуном-фаготом, изящная скрипочка играет в дразнилки с первой флейтой, а бедняга гобой в полном изнеможении жалобно стонет — словно ужасно устал и умаялся от всей этой кутерьмы; когда как в легкокрылом, летящем марше несется то стайка духовых, то все семейство струнных, а четверка валторн тщетно пытается уронить расшалившихся и навести порядок — невольно вспоминаешь о проказах юности, об играх и забавах детовры, о безоблачном, счастливом детстве наших ребят.

Третья, медленная часть симфонии — новый контраст! После простодушного веселья и ироничности второй части здесь разговор наедине с самим собой, в ночной тиши, музыка, полная глубоких раздумий и возвышенной, патетической поэзии. В ней есть нечто от медленных, «задумчивых» частей бетховенских сонат, его последних квартетов: высокий строй души, размышляющей о судьбах мира, большое, искреннее чувство, чуткая человечность. Инструменты звучат удивительно выразительно, совсем словно живые голоса: флейта в дуэте с арфой, печальный гобой с шепчущими и чуть слышными дрожащими скрипками, хор струнных, поющих как бы строгий хорал...

В третьей части участвуют только струнные и деревянные духовые инструменты. «Медные», — пояснял Шостакович, — отдыхают и собираются с силами

МАЛЕНЬКОЕ ПОСЛЕСЛОВИЕ. Просьба к тем, кто заинтересуется и захочет прослушать Пятую симфонию Шостаковича, не ограничиваться лишь одним прослушиванием. Произведение это большое, сложное, требующее, прямо скажем, известного навыка, умения слушать. А такой навык и умение приобретаются только практическим опытом — иными словами, слушанием самой музыки.

Что греха таить: есть у нас среди молодежи — и их не так уж мало — юноши и девушки, которые признают лишь искусство легкое, без усилий воспринимаемое, доступное с первого раза и притом обязательно сладенькое. Эти люди смотрят на музыку именно как на сласти, как на приятные на вкус леденцы. Но «леденцовый подход» к большой, симфонической музыке так же неприменим, как неприменим он и произведениям Льва Толстого и Пушкина, Маяковского и Шолохова. Да ведь и одними леденцами, как говорится, сыт не будешь.

Ромэн Роллан великие творения искусства называл хлебом насущным. Для духовной жизни этот насущный хлеб необходим — он питателен и полезен. Симфоническая музыка Бетховена, Чайковского

к четвертой части, где им предстоит много работы».

И вот в блеске труб, грома литавр приходит финал симфонии. Как в классических образцах — вспомните финал Десятой симфонии Бетховена с обращением «к миллионнам», финал Четвертой симфонии Чайковского («Иди в народ»), — финал Пятой Шостаковича несет в себе массовое, коллективное начало. Некоторые дирижеры этот финал Шостаковичской симфонии исполняют в замедленном темпе, грузно, «стояче». Мне кажется это неверным. Ибо при такой трактовке музыка лишается главного, что здесь ей присуще: наступательного духа, устремленности вперед.

В поход! В одном строю, вместе с народом, в несметных людских колоннах — так можно было бы расшифровать смысл финала, «итог» всей симфонии. Шостакович говорил, что финал разрешает трагедийные коллизии предыдущих частей симфонии в жизнерадостном, оптимистическом плане. Таким образом, Пятая симфония — как, впрочем, и другие симфонии Шостаковича — является оптимистической трагедией. На последних аккордах финала, писал А. Толстой, присутствовавший на премьере симфонии, «весь зал встает. Он охвачен чувством счастья: оно пенится в оркестре, оно проносится по залу как весенний ветер». По мнению Алексея Толстого (а Шостакович в этом с ним согласился), темой Пятой симфонии является становление личности. «Именно человека со всеми его переживаниями, — писал композитор, — я видел в центре замысла этого произведения». Но в наших условиях, в Советской стране личность неотделима от общества, от народа. «Личность погружается в среду своей великой эпохи и, раскрываясь, начинает звучать в согласии с эпохой», — так формулировал Толстой основную идею Пятой симфонии Шостаковича, замечательного произведения, уже более 20 лет составляющего славу и гордость советской музыкальной классики.

М. СОКОЛЬСКИЙ.

* * *

го, Моцарта, Шостаковича и других классиков прошлого и современных композиторов — это тоже насущный хлеб. Без этой духовной пищи не может обойтись советский интеллигентный человек.

Но повторяем, чтобы понимать глубоко и по-настоящему это большое искусство, требуется терпеливое, серьезное, сосредоточенное и систематическое слушание музыки. Поэтому мы и просим тех, кто по-настоящему хочет понять, разобраться в Пятой симфонии Шостаковича, прослушать ее неслышно раз. Прослушайте ее в концерте и по радио. Постарайтесь достать пластинку с записью Пятой симфонии в исполнении дирижера Евгения Мравинского и оркестра Ленинградского филармонии.

А после того, как несколько раз прослушаете ее, напишите нам свои впечатления от этой музыки и исполнения, как вы сами понимаете Пятую симфонию, что вы уловили в ней после первого прослушивания, после второго, третьего... Напишите и о том, какие симфонические произведения наших и западноевропейских композиторов вы знаете и любите. Тогда мы продолжим наш разговор о симфонической музыке.